

Деревенскія пѣсни и пѣвцы.

Изъ поѣздки по Новгородской губ.: по уѣздамъ Череповецкому, Бѣлозерскому и Кирилловскому ¹⁾).

Поѣздка моя лѣтомъ 1901 года въ Новгородскую губернію устроилась совсѣмъ неожиданно, главнымъ образомъ благодаря любезности одного американца. Еще въ Америкѣ, во время нашихъ концертовъ, я познакомилась съ однимъ американцемъ м-ромъ Крэнномъ, который усердно посѣщаль концерты и очень интересовался какъ русской музыкой, такъ и Россіей вообще. Оказалось, что онъ уже нѣсколько разъ былъ въ Россіи, которая привлекала его своеобразностью природы и жизни, несмотря даже на то, что, благодаря свойственной американцамъ наивности по отношенію къ паспортной системѣ, которой у нихъ не существуетъ, въ первый же двѣ поѣздки ему пришлось испытать нѣкоторые шероховатости нашего строя. Въ первую свою поѣздку онъ затерялъ паспортъ и попалъ въ очень неловкое положеніе, изъ котораго съ трудомъ вышутался. Собираясь въ Россію во второй разъ, онъ рѣшилъ быть осторожнѣе и взялъ два паспорта. Въ дорогѣ онъ встрѣтилъ американца, который ѣхалъ въ Россію въ первый разъ и не имѣлъ никакого вида. Желая оказать услугу своему соотечественнику, м-ръ Крэнъ предложилъ ему одинъ изъ своихъ паспортовъ, и такимъ образомъ въ Россіи очутилось два американца, путешествующіе подъ однимъ именемъ. Каждый русскій легко можетъ представить себѣ, къ какимъ осложненіямъ это привело: м-ръ Крэнъ попалъ еще въ худшее положеніе, чѣмъ въ первый разъ.

---

¹⁾ Читано въ соединенномъ засѣданіи Этнографическаго Отдѣла П. О. Л. Е., А. и Э. и состоящей при Отдѣлѣ Музыкально—Этнографической Комиссіи 3 мая 1902 года. Ред.

Но интересъ его къ Россіи былъ выше какихъ-нибудь мелкихъ неудачъ. Онъ обладаетъ необыкновенной способностью подмѣчать положительную сторону каждаго явленія, а потому и въ русской жизни онъ сумѣлъ уловить свѣтлыя, пріятельскія стороны въ искусствѣ, въ литературѣ, въ народномъ творествѣ, и сдѣлался ихъ ревностнымъ поклонникомъ.

Представился случай, и м-ръ Крэнъ заявилъ свое сочувствіе къ русскому искусству на дѣлѣ посредствомъ своего вліянія въ американскихъ финансовыхъ сферахъ.

Вотъ на этой почвѣ и возникла нѣкая спорная сумма, которая, по моему убѣжденію, принадлежала м-ру Крэну; онъ же утверждалъ, что нѣтъ. Когда прошлой зимой я послала ему эту сумму въ Чикаго, м-ръ Крэнъ не согласился взять ее, а, удвоивъ, отправилъ обратно въ Россію, предсѣдателю Георг. Об-ва, П. П. Семёнову, назначивъ ее специально на дѣло собиранія пѣсенъ, а Шёнсенная Коммиссія предоставила ее мнѣ, поручивъ сдѣлать пѣсенное изслѣдованіе въ Новгородской губерніи. Вотъ объ этой-то поѣздкѣ я и хочу рассказать.

Опять я провела нѣсколько мѣсяцевъ въ погонѣ за пѣснями. Много деревень пришлось мнѣ проѣхать этимъ лѣтомъ, такъ много, что мнѣ начинало казаться, ужъ не одна ли огромная деревня вся Россія? И опять, еще сильнѣе, чѣмъ прежде, я чувствую, какъ мало сдѣлано, какъ много снѣжной, неотложной работы впереди. Съ каждой новой поѣздкой, послѣ которой я привожу десятки, даже сотни интересныхъ записей, я съ ужасомъ думаю, что этотъ драгоценный источникъ скоро изсякнетъ, исчезнетъ подъ новыми наслоеніями, и все сильнѣе сознаю слабость личныхъ усилій, убѣждаюсь все болѣе, что нужна громадная коллективная энергія, неустанная, изъ года въ годъ, нужны цѣлыя фаланги собирателей.

Пока есть еще время. Несмотря на то, что строгую, старинную пѣсню всѣми силами выживаетъ нелѣпая и нескладная пѣсня, которую фабричная молодежь несетъ изъ города, еще есть по деревнямъ старики и старухи, хранящіе въ душѣ своей остатки народнаго пѣсеннаго творчества. Когда удастся разспросами о старинныхъ пѣсняхъ расшевелить въ нихъ воспоминанія юности, они забываютъ тяжелую дѣйствительность, утомленіе послѣ работы, пренебрегаютъ насмѣшками молодежи, и, начавъ пѣть, сначала съ

робостью, потомъ ужъ смѣлѣе, потомъ часто не смолкають до полуночи.

Живой вереницей встають въ памяти моей пѣвцы-импровизаторы, которыми имѣеть право гордиться наша родина.

Вотъ они, эти деревенскіе Мазини и Фигнеры. Въ рваныхъ кафтаныхъ, въ домотканыхъ шароварахъ, на грязной работѣ потерявшихъ всякій цвѣтъ, часто съ нечесаной бородой и немытыми руками, полусмущенные и полугордые, стоятъ они, когда молва доводитъ до нихъ собирателя, и полные какой-то своеобразной, привлекательной грубости, точно оправдываясь, говорятъ: „Да что—вѣдь мы только свди деревенскія пѣсни и знаемъ“. Съ какимъ добродушнымъ недоувѣремъ качають они головой, слыша отвѣтъ: „Ихъ-то намъ и пужно“. Зачѣмъ? Какая еще новая причуда явилась у людей, жизнь которыхъ полна всякихъ благъ, которымъ, кажется, и желать больше нечего? „Старыя пѣсни требуютъ, досельныя“... И зачѣмъ бы это?

Всѣ переминаются на мѣстѣ, бабы вздыхають. Лица выражаютъ заботу. „Снѣтъ-то споемъ, да не будетъ ли намъ чего за это? Въ городъ бы не потребовали, не засадили бы куда?“

Я смѣюсь. „Да куда? За что?“

— А за пѣсни, не ровень часъ...

Я всячески убѣждаю, что ничего за пѣсни не будетъ, кромѣ похвалы, и разъясняю цѣль собиранія. Успокаиваються. Мысль о сохраненіи старинныхъ пѣсенъ, достоинства которыхъ признають всѣ, даже молодежь, начинаетъ правиться.

— За старину взялись... не передъ концомъ бы,—вдругъ слышится опять полный сомнѣнія озабоченный бабій голосъ.

— Ты старья не покупаешь ли?—спрашиваетъ другая баба.—Къ намъ намедни графъ пріѣзжалъ, старье собираеть... По три рубля за старья полотенца давалъ. Оно все въ дырахъ, бросовое, а онъ три рубля... Тебѣ не надо ли?

Бабы и дѣти стоятъ около меня тѣснымъ кругомъ и разсматривають меня пытливыми глазами. Впереди дѣвочки-няньки съ грудными младенцами, самыя любопытныя кумушки, играющія роль и газеты, и почты въ деревнѣ. Я чувствую, что всѣ хотять опредѣлить мою личность, уяснить себѣ, кто я,—въ деревнѣ не любятъ ничего неяснаго, тамъ о каждомъ человѣкѣ знаютъ всю подноготную, всѣ привыкли жить на міру. Для полной характеристики

новгородскихъ бабъ, я должна сознаться, что ихъ очень мало интересовало то, что я ѣзжу отъ ИМПЕРАТОРСКАГО Географическаго Общества. Ихъ интересовало совсѣмъ другое. Выслушавъ довольно кладнокровно мое Объясненіе, зачѣмъ мнѣ пѣсни, отъ кого я ѣзжу, онѣ, чтобы уразамѣть вполнѣ *суть* дѣла, начинаютъ допросъ такого рода:

Баба. Та-акъ... За пѣснями ѣздишь?

Я. Да. За пѣснями.

Баба. О-охъ. Отъ мужа ѣздишь?

Я. Да.

Баба. О-охъ. Поѣдешь ли къ нему-то опять?

Я. Поѣду.

Баба. Поѣдешь. Ну-у...

Вначалѣ голосъ у бабы жалобный, особенно на „охъ“, потомъ успокоенный, когда она говоритъ: „Ну-у“. Но я, конечно, не, въ состояніи передать ихъ неподражаемую интонацію; въ ней бездна смысла. Это цѣлая мораль.

Послѣ этого разговора начинается настоящее знакомство. Шупаютъ мое платье, разспрашиваютъ всѣ подробности о моей жизни; семьѣ и сами начинаютъ рассказывать о себѣ.

Старухъ мнѣ удавалось склонить нѣтъ, только познакомившись съ ними и поговоривъ по душѣ. Да, признаюсь, знакомство съ ними привлекало меня. За рѣдкими исключеніями, въ Новгородской губерніи мнѣ встрѣчались очень симпатичные типы. Въ деревенскихъ старухахъ есть удивительная стойкость и выдержка. Казалось бы, что женщина, проработавшая всю жизнь трудную деревенскую работу, народившая и выходявшая многихъ дѣтей—вѣдь крестьянскія семьи очень многочисленны,—что такая женщина, доживъ до 60 лѣтъ, имѣла бы право на отдыхъ. Но, наоборотъ, старуха-крестьянка встаетъ раньше всѣхъ, справляетъ скотину, печетъ хлѣбы, готовитъ обѣдъ, смотритъ за ребятишками, треплется цѣлый день и ложится послѣ всѣхъ; да еще въ праздникъ такъ развеселится и такихъ нѣсенъ напостъ, что молодыхъ за поясъ заткнетъ, хотя при этомъ стыдится даже сознаться, что умѣетъ нѣтъ: „Куда мнѣ, стара стала,—голосъ не бѣжить. Вотъ, еслибъ прежде, я бы тебѣ напѣла“.

Но есть и такія, что есть заботъ и горя вправду голосъ потеряли. Къ нимъ принадлежитъ моя большая пріятельница, Анисья

Елизаровна, изъ деревни Доронино, Череповецкаго уѣзда, талантливая причитальщица, но совсѣмъ потерявшая голосъ. Она пробовала пѣть въ фонографъ—ничего не выходило. Тогда она рѣшила надиктовать мнѣ нѣсколько причетовъ, съ тѣмъ, чтобы пойти съ ней въ ея деревню, которая была центральнымъ пунктомъ моихъ поѣздокъ по Череповецкому уѣзду—версть 12 отъ Череповца—и записать напѣвы причетовъ съ голоса ея односельчанки, женщины среднихъ лѣтъ, специалистки-причитальщицы. Въ виду того, что въ каждой данной мѣстности почти всѣ причеты поются на одинъ напѣвъ, я согласилась, тѣмъ болѣе, что причеты Анисьи мнѣ очень нравились. Она вносила въ нихъ много задушевности. Она же мнѣ рассказала, что у нихъ есть старикъ, который хорошо поетъ старинныя пѣсни.

Анисья живетъ въ Череповцѣ не по своей волѣ, а съ любимымъ сыномъ, который находилъ деревенскую работу слишкомъ трудной и ушелъ въ городъ. Анисья живетъ съ нимъ и терпитъ всевозможныя неудобства, а домъ ея въ деревнѣ стоитъ пустой. Другой ея сынъ ушелъ въ Петербургъ и бросилъ семью, жену и шестерыхъ маленькихъ дѣтей. Вообще Петербургъ играетъ въ Новгородской губерніи роль какой-то обѣтованной земли. Болѣе энергичная молодежь только и живетъ и мечтаетъ о немъ, особенно въ Череповецкомъ и Бѣлозерскомъ уѣздахъ. Это приводитъ въ отчаяніе матерей, которыя теряютъ нерѣдко дѣтей навсегда.

8 іюня мы отправились въ Доронино. Погода была очень хорошая, не слишкомъ жаркая, вѣтеръ дулъ намъ въ лицо, и Анисья, которая была очень весела и разговорчива, увѣряла, что это хорошій признакъ, что плохо, когда вѣтеръ дуетъ по пути. По чѣмъ ближе мы подходили къ ея деревнѣ, тѣмъ она дѣлалась грустнѣе. Когда мы вошли въ деревню, Анисья указала намъ впереди свою избу, а сама ушла разыскивать пѣсельника Николая. Ея изба, большая и высокая, имѣла видъ полного запустѣнія. Стекла въ окнахъ были выбиты; крыльцо разобрано. Мы присѣли на развалинахъ крылечка. Насъ окружили ребятишки и маленькія няньки съ младенцами на рукахъ, а изъ оконъ другихъ избъ высовывались бабы и кричали: „Да вы что же въ разоренную избу идете, подите лучше къ намъ; самоварчикъ мигомъ поставимъ“. Но мы остались вѣрны Анисьѣ. Скоро пришла она и, какъ посмотрѣла на свою несчастную избу, залилась слезами.

Я насилу утѣшила ее, говоря, что черезъ нѣсколько минутъ ея разоренная изба будетъ полна гостей — стоитъ только завести „машинку“, т. е. фонографъ. Она вострепнулась и захопотала. Мы всѣ влѣзли въ избу безъ крыльца. Жена единственного оставшагося въ деревнѣ сына Анисы, Ивана, стала ставить самоваръ, а я принялась развѣшивать рупора и все готовить для записыванія пѣсенъ.

Пришелъ Николай Евдокимовъ, серьезный, степенный старикъ, съ большой бородой, настоящій патриархъ. За руку его цѣплялся двухлѣтній внучекъ и ни за что не хотѣлъ оставить дѣда, такъ что его унесли на улицу насильно, и онъ ревѣлъ. Николай Евдокимовъ обращался съ внучкомъ очень нѣжно, что при его суровой наружности выходило трогательно. Онъ, видимо, только не хотѣлъ отказать Анисѣ и пришелъ по ея просьбѣ, но ему было какъ будто стыдно, что онъ пришелъ по такому глупому дѣлу, какъ пѣсни. Когда я пробовала объяснить ему, зачѣмъ мнѣ пѣсни и какъ онѣ записываются въ машинку, онъ не слушалъ меня, а все твердилъ: „Это ужъ ваше дѣло. Гдѣ намъ понять. Вы лучше знаете“. Вообще былъ очень холоденъ и не смотрѣлъ мнѣ въ глаза. Первой рѣшилась записать свои причеты нестарая еще баба, Анпа Герасимовна, пришедшая съ груднымъ ребенкомъ трехъ мѣсяцевъ. У нея оказался хорошій звонкій голосъ, и записи вышли довольно удачными. Это раззадорило и другихъ бабъ и заинтересовало даже серьезнаго Николая. Они попробовали спѣть въ рупоръ. Вышло недурно. У Николая глаза начинали блестѣть. Онъ спѣлъ въ рупоръ пѣсню одну, смущался, забылъ пѣсню по серединѣ и сказалъ: „Забылъ, дальше не знаю“. Потомъ вспомнилъ и продолжалъ. Когда же фонографъ, повторяя пѣсню, повторилъ и слова его: „Забылъ, дальше не знаю“, онъ пришелъ въ чисто дѣтскій восторгъ и сталъ рассказывать всѣмъ вновь входившимъ, какая удивительная „машинка“, что она повторяетъ не только пѣсню, но и что скажешь. Съ этого момента ледъ растаялъ. Николай съ увлеченіемъ сталъ объяснять всѣмъ значеніе записи пѣсенъ, какъ машинка записываетъ, училъ бабъ, какъ пѣть въ „нутро“. Въ Доронины были записаны порядочныя пѣсни. А Анисья радовалась, что ея заброшенная изба полна народу, и плакать перестала, а вся разгорѣлась, разрумянилась отъ удовольствія.

Первый свой причетъ Анисья сложила еще при выходѣ замужъ. Она шла за нелюбдого, не по своей волѣ и высказала всѣ свои чувства въ причетѣ. „Обдумала все, да и сказала, отвела душу“, говорила она мнѣ. Вотъ этотъ причетъ: *къ брату передъ свадьбой въ послѣдній день*:

Не торопитесь, мои голубушки,
Мои милыя подруженьки,
Погодите, вы лебеди бѣлыя,
Выходите изъ-за столовъ изъ-за дубовицхъ.

Ахъ, дайте мнѣ, да красной дѣвицѣ,
Дайте мнѣ да въ очи ¹⁾ видѣти
Сокола да брата милаго,
Единокровнаго, единоутробнаго,
Свѣтъ Степана Елизаровича.

Подойди-тко, братецъ миленькій,
Ко столу да ко дубовому,
Ты ко мнѣ да къ красной дѣвицѣ.
Ты послушайся, да братецъ миленькій,

Ты мени да красну дѣвицу,
Что тебѣ я красна дѣвица
Говорить буду, наказывать.
Ты возьми-тко тесьмянну узду,
Ты сходи, да братецъ миленькій,
Ты сходи да на широкій дворъ,
Какъ обратай коня добраго,
Добраго коня, ѣзжалаго.
Ужъ ты съѣзди, братецъ миленькій,
Въ славный городъ во Череновецъ,
Ты купи, да братецъ миленькій,
Гербовой да листь бумажечки.
Нанини-тко, братецъ миленькій,
Ужъ ты скорую отказную
Отъ меня, отъ красной дѣвицы.

Посль просватанья:

Богъ судья, кормилецъ батюшка,
Богъ судья, родима матушка,
Не дали да красной дѣвицѣ,
До любя да насидѣтсы,

Ты сходи-ка, братецъ миленькій,
Ты ко этимъ, ко чужимъ людямъ,
Ты войди-тко, братецъ миленькій,
Безъ допросу во широкій дворъ,
Безъ допросу во широкій дворъ,
Безъ доклада въ темну темницу,
Какъ во этой темной темницѣ,
Не молись ко Господу Богу,
Ты не бей челомъ, не кланяйся
Какъ ты этимъ злымъ чужимъ лю-
дамъ.

Ты положи-ко, братецъ миленькій,
Ужъ ты скорую отказную
Ты на ихній на дубовый столъ,
Ты скажи-тко, братецъ миленькій,
Грубою слово нехорошее:

«Вотъ, возьмите, злы-чужи люди,
Вотъ вамъ скорая отказная
Отъ голубушки милой сестры:
У насъ ибту дѣвушки на возрастѣ,
Нѣтъ невѣсты запросатанной».
Мы бы съ тобой, да братецъ миленькій,

Стали жить да все по старому,
Работать да все по прежнему,
За тебя бы, братецъ миленькій,
Я была бы, красна дѣвица,
Ночная богомольница,
Я дешная попечальница.

До охоты нагулятсы,
Цвѣтнаго платья наноситсы,
Мнѣ доплатить лицо бѣлое,
Мнѣ доростить да русу косу

¹⁾ ч выговариваютъ какъ среднее между ч и ч.

До единого до волоса,
 Такъ и что я красна дѣвица
 Со годамъ да не сверсталася,
 Съ умомъ разумомъ не собралася.
 У меня у красной дѣвицы
 Какъ мое да лицо бѣлое—
 Что берестичко лежалое,
 Лежалое годовалое.
 Самъ ты знаешь, самъ ты вѣдаешь,
 Мой кормилецъ сударь-батюшка,
 Государыня-матушка,
 Какъ и мнѣ да красной дѣвушкѣ
 Какъ мнѣ эти да чужіи люди:
 Выѣсто пожа они мнѣ востраго,
 Вострова пожа булатнаго.
 Ужъ какъ я, да красна дѣвица,
 До того, да прежде этого
 Я ходила, красна дѣвица,
 По широкой да по улицѣ,
 Такъ у меня у красной дѣвицы
 Не глядѣли очи ясныя
 На пихюю темпу темницу
 На темную да потюремщницу.
 Мой кормилецъ, сударь батюшка,

Государыня ты матушка,
 Погляди, да сударь батюшка,
 Государыня ты матушка,
 У меня у красной дѣвицы
 Не жемчугъ, да горючи слезы,
 Не бумага—лицо бѣлое.
 Какъ ужъ выюсь я увиваюся,
 Шелковымъ клубомъ катаюся,
 Со голубушкамъ подруженькамъ,
 Съ верстной ровнюшкой великою.
 Какъ у васъ, мои голубушки,
 Жалостливы отцы, матери,
 Вамъ даютъ, сестрицы милыя,
 До любя да пасидѣтися,
 До охоты нагулятися,
 Цвѣтнаго платья напоситися,
 Вамъ доростить да русу косышбу
 До единого до волоса,
 До шелкового до пояса.
 Какъ у меня-то, у красной дѣвицы,
 Руса коса расплетается,
 Алы ленты развиваются,
 Что померкли очи ясныя
 Что потускли щеки алыя. Охъ ¹⁾.

Когда въ баню (баеньку) ведутъ, родителямъ причитываютъ:

Мой кормилецъ, сударь батюшка,
 Наряди да слугу вѣрную
 Ты посылочку да скорую
 Истопить да теплу баеньку;
 Чтобы была да тепла баенька
 Въ головѣ да не угарчива,
 Бѣ бѣлу тѣлу да припарчива;
 Мнѣ сходить да красной дѣвицѣ

Мнѣ во теплую во баеньку,
 Въ теплую, да паровитую.
 Со голубушкамъ, подруженькамъ,
 Не со стадомъ лебеднинымъ,
 Лебеднинымъ да гулливымъ,
 Мнѣ посмытъ да горе кручину,
 Со бѣла лица слезиночку,
 Съ ретива сердца кручинушку.

Когда выйдутъ изъ бани:

Тебѣ спасибо, тепла баенька,
 Бѣло больно меня вымыла,
 Не по старому, не по прежнему.
 Я не смыла, красна дѣвушка,

Со бѣла лица слезиночки,
 Съ ретива сердца кручинушки.
 Вдвое, втрое горя прибыло
 У меня у красной дѣвицы,

1) Позднѣе Анися свыклася со своею участію, съ мужемъ жила дружно, а въ семьѣ пользовалась уваженіемъ и любовью. „И вотъ, поди ты“, говорила она мнѣ: „никто меня никогда не попрекнулъ, ни золовки, ни мужъ, ни разочку. А ужъ я ли имъ всего не выложила, что на душѣ было“.

Ахъ ти мнѣ-тюшки тошнехонько
 Моему сердцу ретивому.
 Ахъ, во этой теплой баенькѣ,
 Гдѣ сидѣла красна дѣвица,
 Выростай береза бѣлая!
 Гдѣ лежалъ да частый гробешокъ,
 Выростай да часть ракитовъ кустъ!
 Да гдѣ кидала русы волосы,
 Выростай трава шелковая!
 Видно, отъ меня, отъ красной дѣвицы,
 Отошла да воля вольная,
 Отошла да покатилася;

Какъ погляжу я красна дѣвица
 Ей во слѣдъ да волѣ вольной:
 Куда пошла да воля вольная?
 Во которую сторонушку?
 Въ которую путь дороженьку?
 Вижу, пошла да воля вольная
 По чисту полю куницею,
 По подлѣсьицу лисницею.
 Какъ навстрѣчу волѣ вольной
 Попадаетъ неволюшка великая,
 Воля неволѣ поклонилася,
 А воля прочь да отшатилася.

Какъ легко Анисья импровизируетъ, мнѣ пришлось самой убѣдиться. Разъ при Анисѣ я получила отъ мужа письмо и вслѣдъ за нимъ телеграмму. Ее поразила такая внимательность. „Ты ему напиши за это стихокъ“. И она тутъ же сложила и продиктовала мнѣ слѣдующее:

Отъ своей да лады милая
 Получила нисьмо-грамотку,
 Словесное да челобитьице.
 Спасибо тебѣ, ладо милое,
 Мнѣ послалъ да нисьмо-грамотку,
 Мнѣ скорое извѣстице.
 Обрадовалъ, да ладо милое,
 Ты мое да ретиво сердце.

Самъ ты знаешь, самъ ты вѣдаешь—
 На чужой дальней сторонушкѣ
 Много печалюшки великія,
 Много заботушки несносныя;
 На чужой дальней сторонушкѣ
 Все кипитъ мое ретиво сердце
 По тебѣ, да ладо мое милое.

Этимъ кончаю причеты Анисьи ¹⁾ и перехожу къ другимъ.

Причетъ Анны Герасимовны изъ деревни Доромино, Череповецкаго уѣзда, Новгородской губерніи. *Невѣсту къ вѣтцу собираютьъ:*

Благослови ты, Боже Господи,
 Пресвятая Богородице!
 Волюй, моя воля вольная,
 Ты красуйся, дѣвичья красота,
 Тебѣ не долго красоватися,
 Недолго въ дѣвкахъ сидѣти,
 Одинъ часъ, одну минуточку.
 Погляжу я, красна дѣвица,
 На всю роднюшку великую,

На все стадо лебединое.
 Всѣ сидятъ, мои голубушки,
 Всѣ по старому, по прежнему;
 Только я лишъ, красна дѣвица,
 У меня у молодешеньки
 Руса коса расплетается,
 На рукѣ золото кольцо
 У меня да распаяется.

¹⁾ Всѣ эти причеты, равно какъ и другіе, печатаемые ниже были демонстрированы Е. Э. Лиевой при помощи фонографа и пѣвьемъ въ засѣданіи Этн. Отдѣла.

Когда выйдутъ изъ бани:

Слава, слава тебѣ, Господи!
 Я посмыла, красна дѣвушка,
 Со бѣла лица слезиночку, а
 Съ ретива сердца кручинушку.
 Я иду, да красна дѣвушка,
 Послѣ байни, послѣ паруши,
 На весельи, да на радостяхъ,
 На великой Божьей милости.
 Ты, кормилецъ сударь-батюшка,
 Засвѣти-тко воскову свѣчу
 Помолитесь Господу Богу.
 Я первой да поклонъ положу
 За Царя я благовѣрнаго,
 За Царицу благовѣрную,
 Я за царевыхъ малыхъ дѣтушекъ,
 За всю вѣру христіанскую.
 Я еще да поклонъ положу
 Я Покрову Богородицѣ:
 Ты, Покровъ да Богородице,
 Ты покрой мою головушку.
 Слава, слава тебѣ, Господи,
 Помолилась Господу Богу.

Мнѣ не что Богу молитися,
 Меня Господи не милуетъ.
 Сколько въ банѣ не намылася —
 Вдвое, втрое обтерлася:
 Потеряла потеряшечку—
 Свою красную-то красоту.
 Какъ пошла да красна красота
 Во трубу пошла дыминчойкой,
 Во двери пошла парничкой.
 Гдѣ-то есть у молодешеньки
 Есть обманщицы, охальницы,
 Да вы лиспицы, ласкбайщицы,
 Нахвалили да нахвастали
 Вы своей да байной-парушей:
 Что у насъ, да въ байной-паруши,
 Много веселаго весельица,
 Хорошаго украшеньица —
 Три стола, да три точеные:
 Что на первомъ-то столкѣ
 Яндова да пива пьянова,
 На другомъ-то есть на столкѣ
 Есть чара да зелена вина.

Въ виду того, что меня, главнымъ образомъ, интересуетъ музыкальное построение пѣсни, я всюду искала хорозъ или пѣнія „артелью“, какъ называютъ крестьяне. Напѣвы же причетовъ и свадебныхъ пѣсень, которые довольно однообразны, но встрѣчаются еще всюду, я записывала, только когда не находила пѣсень болѣе интересныхъ въ музыкальномъ отношеніи. Но ихъ набралось у меня столько, что съ небольшими дополненіями онѣ могутъ дать характеристику всего свадебнаго ритуала, сохранившагося еще во многихъ деревняхъ той мѣстности. Впрочемъ, ближе къ городамъ уже болѣе въ употребленіи „самоходки“, т. е. вѣнчаются по свободному выбору, иногда уходя изъ думатайкомъ, безъ сватанья и разныхъ бытовыхъ обрядовъ и церемоній. Этой весной я собираюсь съѣздить еще въ нѣкоторые медвѣжьи углы Кириловскаго уѣзда, гдѣ сохранились старинные обычаи. Теперь я предлагаю послушать, какъ образцы, двѣ свадебныя пѣсни: „При вечерѣ, вечерѣ“ (Славленье жениха) и „Тысяцкій, ты бояринъ большой“ (Славленье крестнаго отца) въ исполненіи фонографа ¹⁾:

¹⁾ Эти пѣсни также были демонстрированы въ засѣданіи Отдѣла. *Ред.*

на одинъ ладъ, да и белятъ, какъ овечки, лають какъ собачки¹⁾.

Старшныя пѣсни называютъ различно: досельныя, досюдошныя, давнишнія, дотошныя, долгоголосыя, строгія, уставныя. Про эти пѣсни говорятъ: „пѣсня каждая—правда, какъ подумаешь умомъ“. По содержанію къ нимъ подходятъ разныя *протяжныя* пѣсни: 1) *историческія*, напр. „Какъ во славномъ во городѣ Астрахань“, про „Стеньку Разина“, „Ты рябинушка“, 2) *семейныя*: „Спородила мати сына“, „Теща зятя провожала“; 3) *лирическія*—„У Дунюшки было у голубушки“, „Почи темныя осеннія“, „Не одна во полѣ дороженька“; 4) *тюрельныя*—„Жавороночекъ“; 5) *рекрутскія*, напр. „Долина долинушка“, „Отлетаетъ мой соколикъ“, и другія. Чтобы пѣть ихъ нужна „душа долгая“, по выраженію крестьянъ: „если душа коротка, досельной пѣсни не спѣть“. „У его душа долгая“—вышшая похвала пѣвцу.

Я подмѣтила одно оригинальное и поэтическое выраженіе, которое крестьяне употребляютъ иногда: вмѣсто того, чтобы сказать: „начинайте пѣсню“, или: „заводите пѣсню съ краю“, они говорятъ: „затепливайте пѣсню“,—„что ты затухъ, забыл пѣсни-то“. О знатокѣ пѣсенъ выражаются такъ: „онъ пѣснѣ корень“. Деревенскій пѣвецъ не любитъ пѣть одинъ. Такъ какъ идеаль пѣсни—протяжная, широкая мелодія, то даже если у пѣвца „душа долгая“, т. е. длинное дыханіе, онъ отказывается пѣть одинъ. „Вывода не хватаетъ“, говоритъ онъ. „Выводъ“ какъ бы выводитъ пѣвца изъ затрудненія, т. е. другіе голоса, вступая во время, когда ему нужно взять дыханіе, подхватываютъ, поддерживаютъ его,—тогда мелодія льется протяжно широко. Но къ подголоскамъ хороній пѣвецъ относится весьма разборчиво. Онъ неохотно поетъ съ тѣмъ, кто изъ другой мѣстности и знаетъ пѣсню иначе, чѣмъ онъ. „Какъ не нашей земли, не спѣтъ намъ“, говоритъ онъ, или: „Я-то къ вамъ приленусь, а вамъ ко мнѣ не пристать“, или такъ: „Не хочу я съ нимъ пѣть, онъ мнѣ голосъ перешибаетъ“.

1) По этому поводу обращаемъ вниманіе на статью Е. Э. Линевой: „Живли народная пѣсня?“ („Русск. Вѣд.“ 1903 г. № 31), написанную по поводу статьи Д. Зеленина: „Черты современного народнаго быта по частушкамъ“ („Русск. Вѣд.“ 1903 г. № 8).

Какъ-то мы разъ разговорились съ Анисьей о томъ, почему молодежь меньше поетъ, чѣмъ въ старину. Анисья дала мнѣ на это своеобразное объясненіе: „Жить теперь лучше стало, должно быть“, отвѣчала она, подумавъ. „Бывало, какъ на барщину погонять, да цѣлый день на чужой работѣ промаешься, вечеромъ и кричишь съ радости, что работа кончена. И какъ пѣли-то. Вѣдь кто поетъ, тому легче, а горе съ собой таскать да молчать, куда труднѣе. Теперь жить лучше, вотъ и не поютъ“.

Черезъ нѣсколько дней я совершенно неожиданно услышала совсѣмъ другое объясненіе того же явленія, почти противоположное, отъ одного крестьянина изъ близкой къ городу деревни. „У насъ пѣсни съ голоду издохли“, саркастически замѣтилъ онъ на мой вопросъ—поютъ ли у нихъ пѣсни. „Деревня обѣднѣла, земли мало, всѣ ее бросили, народъ въ городъ ушелъ“.

А чѣмъ ближе къ городу, тѣмъ назойливѣе и вульгарнѣе звучить фабричная „частушка“, а хорошая пѣсня забыта.

Мнѣ пришлось этимъ лѣтомъ проѣхать по Новгородской губерніи около 1500 в. (1000 на лошадахъ и 500 водою—на пароходѣ и частью на лодкѣ), и удалось записать всего 200 слишкомъ пѣсенъ (включая разные варианты одной и той же пѣсни). Я начала съ Череповецкаго уѣзда, о которомъ меня предупреждали, что тамъ уже навѣрно нѣтъ старинныхъ пѣсенъ. Но на дѣлѣ оказалось, что во многихъ мѣстахъ Череп. уѣзда еще сохранились пѣсни, и записи этого уѣзда оказались даже лучше Бѣлозерскаго и Кирилловскаго уѣздовъ. Но и въ этихъ двухъ уѣздахъ я нашла много интереснаго.

Въ Уломской волости Череп. уѣзда я записала, пожалуй, самыя лучшія пѣсни. Избравъ Череповецъ центромъ, я сначала ѣздила въ разныя стороны отъ него, верстъ на 50, 70 разстоянія, и опять возвращалась. Обыкновенно я не нанимала почтовыхъ лошадей, находя это стѣснительнымъ при ѣздѣ по захластаннымъ деревнямъ. Я просто нанимала телѣжку съ лошадыю крестьянина и по всему уѣзду ѣздила съ однимъ человѣкомъ. Удобно то, что онъ заинтересовывается дѣломъ и даже помогаетъ мнѣ обыкновенно. Два молодыхъ паренька, съ которыми я ѣздила по Череповецкому и Бѣлозерскому уѣздамъ, совсѣмъ вникли въ дѣло и своимъ сознательнымъ отношеніемъ помогали мнѣ при знакомствѣ съ населеніемъ. Третій же, упрямый и гру-

боватый старикъ, напротивъ, все путалъ. Выслушавъ мои объясненія и увѣривъ меня, что все понялъ, вездѣ на вопросъ, зачѣмъ я ѣзжу, онъ говорилъ: „она ѣздитъ отъ Моск. Об-ва сочинять пѣсни“ вмѣсто собирать пѣсни. Онъ такъ упрямо задолбилъ эту фразу, что всѣ мои протесты были напрасны.

Въ Бѣлозерскѣ я попала на Съѣздъ учителей и они, съ инспекторомъ народныхъ школъ во главѣ, благословили меня совѣтами и адресами по Бѣлозерскому уѣзду. На юго-западѣ отъ Бѣлозерска на Судѣ я собрала рѣбильную жатву, но какъ только направилась на сѣверо-западъ отъ Бѣлоозера въ Куйю, гдѣ живутъ корелы, въ Ломенскую и Шольскую волости, какъ почувствовала, что ѣду напрасно. Всюду меня стали преслѣдовать тѣ „вывернутыя“, „супротивныя“ пѣсни, которыя вмѣстѣ съ другими оборышами цивилизаціи приносятъ изъ городовъ уходящая на промыслы часть населенія. Вмѣсто мелодій изъ оперъ русскихъ композиторовъ, которыя, при болѣе демократической постановкѣ музыкальнаго дѣла въ городахъ, могли бы сохраниться въ памяти у пришельцевъ изъ деревень, туда несется нелѣпая, грязная фабричная частушка. Рѣзкой, больной царапиной остался въ моей памяти стишокъ, который пѣлъ какой-то фабричный, на берегу Шолы:

„Николаичъ, проклятой,

Что надѣлалъ на святой“...

Стишокъ, очевидно, ему нравился, и онъ повторялъ его на разные лады. Это былъ, вѣроятно, одинъ изъ тѣхъ героевъ, который воспѣвается въ современныхъ пѣсняхъ-романсахъ:

„Мой мялка хорошъ,
Онъ на писаря похожъ.

Онъ и пишетъ и мараеть,
И цѣлуешь, обнимаетъ.

Признаюсь, я постыдно бѣжала съ Шолы, сдѣлавъ, впрочемъ, попытку записать пѣсни и собрала нѣсколькихъ бабъ. Но онѣ такъ ужасно пѣли, что у меня „ушки завяли“, по народному выраженію. Вообще только въ глухихъ мѣстахъ еще стоитъ искать остатки хорошихъ старинныхъ пѣсней, въ небольшихъ, заолустныхъ деревняхъ. Былины въ Новгород. губ. почти исчезли, кромѣ рѣдкихъ, единичныхъ случаевъ. Воспоминаніе о героическомъ новгородскомъ эпосѣ, насколько мнѣ пришлось наблюдать, стерто безслѣдно. Остатки его унесли новгородскіе выходцы, расселившіеся по сѣверу.

Но все еще важную роль играютъ въ жизни деревни тѣ хорошіе пѣвцы, знающіе старинныя пѣсни, которыхъ я назвала деревенскими Мазини и Фигнерами. На праздникахъ ихъ угощаютъ и чествуютъ не въ примѣръ другимъ. Ими гордятся и хвалятся. Въ сѣрую жизнь деревни, которая мѣтко характеризуется формулой „посѣялъ, сѣялъ, удобрилъ“, они вносятъ тотъ элементъ наслажденія и подъема духа, безъ котораго не прожить человѣку.

Изъ пѣвцовъ, съ которыми мнѣ пришлось познакомиться этимъ лѣтомъ, особенно выдается, по удивительному знанію массы пѣсенъ, Григорій Александровичъ Прохоровъ, крестьянинъ деревни Малаты, Череп. у. Онъ человѣкъ уже пожилой, т. е. ему далеко за 50, у него есть женатый сынъ, по голосу у него очень пріятный и звучный. „Голосокъ-то у тебя малиновый“, говорятъ ему въ деревнѣ и очень имъ гордятся. Въ его нервномъ и изящномъ пѣніи—онъ никогда не кричитъ и не форсируетъ голосъ—есть что-то необыкновенно задушевное и какая-то артистическая законченность. Онъ отдается пѣнію всѣмъ существомъ. И при этомъ чуждъ всякаго самомирія. У него очень симпатичная наружность—умное, худощавое лицо, правильныя черты и небольшая острая бородка съ сильной просѣдью. Меня очень удивляло его отношеніе къ собиранію пѣсенъ. Какъ я уже говорила выше, одно время мнѣ пришлось избрать Череповецъ центромъ моихъ поѣздокъ, и каждый разъ, какъ онъ узнавалъ о томъ, что я вернулась, онъ приходилъ и говорилъ: „А ну-ка, нельзя ли послушать, что вы привезли. Чего они вамъ напѣли“? По цѣлымъ часамъ готовъ онъ былъ слушать разныя записи; онъ очень цѣнилъ все, что было хорошо спѣто, хвалилъ и особенно относительно напѣва признавалъ большую свободу импровизаціи; но иногда говорилъ: „А это я вамъ лучше спою“. Къ тексту онъ былъ очень строгъ, хотя тоже вполне допускалъ разные варианты и ничего не хотѣлъ передѣлывать по своему. Къ сожалѣнію, какъ разъ наканунѣ дня, который былъ назначенъ для записыванія въ Малатѣ, ему пришлось таскать весь день тяжести, переносить шкафы и столы изъ кухни Техническаго училища въ новое помѣщеніе, такъ что онъ былъ странно утомленъ, и записи вышли слабѣе, чѣмъ могли быть ¹⁾.

¹⁾ Въ засѣданіи Отдѣла были продемонстрированы спѣтыя имъ пѣсни: „Не

Второй солистъ, котораго я представляю вашему вниманію, Лаврентій изъ Лишна Бора, Вѣлоз. у. Онъ бѣденъ имуществомъ, но богатъ пѣснями. Живетъ онъ въ скромной избушкѣ вдвоемъ со своею старухою.

Когда мы вѣхали въ деревню и спросили Лаврентія, намъ крикнула баба изъ окна: „Вотъ его изба рядомъ съ моею. Да его дома нѣтъ, вишь, дверь на замокъ заперта“. — „А гдѣ же онъ?“ спросила я. „Картошку копаешь“. — „Да у него и картошки своей нѣтъ, вся сгнила“, протестовалъ хоръ ребятинекъ, какъ изъ земли выросшій вокругъ моей телѣжки. — „И то“, сказала баба-сосѣдка, „можетъ чужую копать... А вамъ зачѣмъ?“ — „Пѣсни, говорятъ, онъ хорошо поетъ, — такъ записать“. — „Правда, правда истинная, сказала баба: такъ поетъ, такъ поетъ... Вѣденъ Картошка сгнила... а ужъ поетъ — наплачешься, его слушаемъ“.

Лаврентія скоро разыскали. Онъ оказался очень пріятнымъ, добродушнымъ старикомъ. Стиль его пѣсни совсѣмъ оригинальный, какой-то старосвѣтскій, съ своеобразными украшеніями, которыя онъ вноситъ во всѣ пѣсни ¹⁾).

Теперь споетъ „Лучинушку“ Стенанъ Клитовъ изъ Новой Старины, на Судѣ ²⁾). Деревня эта произвела на меня совсѣмъ особенное впечатлѣніе. Въ ней были только новые дома, а многіе еще достраивались. Она поражала оживленіемъ, рѣдкимъ въ небольшой деревнѣ. Въ ней было 25 дворовъ. Народъ казался веселымъ, бойкимъ. Какъ я узнала послѣ, деревня, остроумно названная Новой Стариной, возникла, такъ сказать, на развалинахъ помѣщичьяго быта. Крестьяне года два тому назадъ переселились сюда изъ разныхъ мѣстъ, купили въ складчину землю у помѣщицы за 10 тыс. необыкновенно удачно и до сихъ поръ радуются. Имъ уже предлагаютъ за землю 20 тыс., но они ни за что ее не отдадутъ. Меня они пригласили сами, услыхавъ о „машинкѣ“, которая поетъ человѣческимъ голосомъ. „Пускай она къ намъ ѣдетъ, мы ей напоемъ“. Я и пріѣхала, и довольно удачно, на третій день ихъ деревенскаго праздника. Народъ именно на-

одна во полѣ дороженька“, „Подуй, подуй, погодушка“, „Подъ яблонькою“ и др. Ред.

¹⁾ На засѣданіи эти отдѣлы были продемонстрированы свѣтыя Лаврентіемъ „Спородила мати сына“ и „Возлѣ рѣчки“.

²⁾ И эта пѣсня была исполнена фонографомъ.

Ред.

ходился въ такомъ настроеніи, что хотѣлось продолженія начатыхъ удовольствій, и фонографъ явился кетати. Хоръ былъ недурной. Но особенно выдѣлялся изящной фразировкой Степанъ Китовъ. Лучинушку онъ снѣлъ одинъ и, какъ мнѣ кажется, необыкновенно удачно ¹⁾.

Теперь затрону важный вопросъ о способѣ собранія пѣсенъ.

Есть очень достойные собиратели, которымъ удается собрать пѣлюю коллекцію пѣсенъ, не трогаясь съ мѣста. Они довольствуются случайно попавшими въ ихъ руки интересными экземплярами пѣсенъ отъ самыхъ разнообразныхъ исполнителей, начиная съ оперныхъ пѣвцовъ и кончая своей кухаркой или лакеемъ. Достоинства этихъ записей зависятъ всецѣло отъ таланта собирателя, отъ его музыкальнаго чутья. Обыкновенно такіе собиратели, не имѣя возможности провѣрить сравненіемъ вѣрность своихъ записей, склонны преувеличивать значеніе своихъ записей и считают ихъ единственными „химически-чистыми“, по выраженію одного доктора собирателя.

Другіе собиратели, живя въ деревнѣ, изучаютъ свою округу, свой уѣздъ или губернію и собираютъ мѣстные пѣсни. Въ выводы ихъ изслѣдованія можетъ вкрасться нѣкоторая односторонность, но у нихъ въ рукахъ уже болѣе цѣнныя данныя—они стоятъ у самаго источника.

Третій способъ—спеціальныя поѣздки для записыванія пѣсенъ, можетъ быть самый правильный. Я говорю „можетъ быть“, потому что, испытавъ его на дѣлѣ, вижу и въ немъ нѣкоторые недостатки. Преимущество его въ томъ, что онъ открываетъ собирателю огромное поле изслѣдованія, даетъ возможность познакомиться съ пѣсней разныхъ мѣстностей, сравнивать различные варианты пѣсенъ. Главнѣйшій же его недостатокъ—невольная спѣшность дѣла и иногда отсутствіе предварительнаго знакомства съ мѣстными условіями и съ людьми, съ которыми приходится имѣть дѣло. Вообще, мнѣ думается, важно привлечь къ дѣлу собранія пѣсенъ *мѣстные деревенскія силы*. Нѣтъ возможности

¹⁾ Я не могу еще дать полной характеристики новгородской пѣсни въ Череп., Вьлоз. и Кирп. уѣздахъ. Надъ ними еще нужно поработать, но нѣкоторыя изъ тѣхъ, кот. я записала, представляютъ не малый интересъ по красотѣ напѣва, что видно даже изъ исполненія фонографа, всегда нѣсколько портящаго пѣсеню.

вступить въ сношенія со всѣми учителями, священниками, земскими начальниками и другими официальными лицами, не зная ихъ. Это дѣло было бы бесполезной потерей времени. Изъ личнаго опыта я убѣдилась, что немногіе интеллигенты знаютъ пѣсни своей мѣстности. Даже между учителями и священниками такіа лица составляютъ исключеніе. Учителя не всѣ умѣютъ даже отличить старинную пѣсню отъ пѣсни новой формаци и вводили меня въ заблужденіе, которое удавалось разсѣять, только наведя справки у крестьянъ-пѣвцовъ. *Цѣнныя только указанія людей, дѣйствительно имперсующихся этимъ дѣломъ.* Узнать же ихъ можно только на мѣстѣ. Поэтому я рекомендовала бы *предварительныя* поѣздки для ознакомленія съ мѣстностью и населеніемъ, во время которыхъ можно опредѣлить пункты, гдѣ стоитъ записывать пѣсни, и познакомиться съ „пѣсенниками“. Вотъ эти *народныя пѣвцы*, главнымъ образомъ старики и старухи, и есть тотъ элементъ, который важенъ при собираніи *хоровыхъ* записей. Нужно познакомиться съ ними во время предварительной поѣздки, просить ихъ приготовить пѣсни „*артелью*“, какъ они называютъ, къ слѣдующему приѣзду собирателя, и условиться относительно времени, къ которому можетъ спѣться хоръ. Я думаю, что это *единственный способъ* приблизиться къ идеальной записи народнаго хороваго исполненія. Иначе всегда придется записывать пѣсни въ несовершенномъ видѣ, въ исполненіи двухъ-трехъ стариковъ, а иногда и одного старика или старухи, такъ какъ другіе не знаютъ пѣсенъ по старинному складу. Для того, чтобы записать возможно лучшее исполненіе, необходимо впередъ все приготовить, впередъ вступить въ сношенія съ мѣстными пѣсельниками. Узнать же о нихъ можно въ дорогѣ при переѣздѣ изъ одного мѣста въ другое, а лучше всего — отъ самихъ крестьянъ.

Мнѣ кажется, очень важно установить въ народѣ тотъ взглядъ, что помнить и пѣть старинныя пѣсни не стыдно и не только не преступленіе, но даже въ своемъ родѣ гражданская доблесть. Тогда повсемѣстно старики и старухи постараются припомнить многія забытыя пѣсни. Хорошо было бы даже давать за это какую-нибудь награду, подарки или благодарность въ какой-либо иной формѣ. Тогда не были бы возможны факты, подобныя случившемуся въ Тамбовской губ. въ одну изъ моихъ прошлыхъ поѣздокъ, когда 63 лѣтняго старика-залѣвалу священникъ поста-

вилъ на колѣни въ церкви, при всемъ народѣ, за то, что онъ пѣлъ пѣсни въ неурожайный годъ. Конечно, этотъ печальный фактъ составляетъ исключеніе,—въ другихъ мѣстахъ священники, напротивъ, помогали мнѣ,—но фактъ этотъ тѣмъ не менѣе остается во всей своей силѣ.

Въ другомъ мѣстѣ мнѣ пришлось попасть въ довольно неловкое положеніе. Имѣя уже достаточный опытъ въ записываніи пѣсенъ фонографомъ, а въ двухъ деревняхъ Новгородской губ. даже встрѣтивъ фонографъ у сыроваровъ, которые пытались записать пѣсни, я совершенно успокоилась насчетъ того, что „нечистая сила“ не загородитъ мнѣ нигдѣ дороги. Но вотъ мнѣ пришлось пріѣхать въ большое село Родники, Кирилловскаго уѣзда, Польшенгской волости. Я остановилась въ домѣ богатаго крестьянина, на котораго мнѣ заранѣе указали. Семья оказалась очень большая, а старуха-хозяйка была большая любительница пѣсенъ. Она собрала нѣсколько старухъ, довольно древнихъ, такъ что голоса были разбитые. Сначала шло довольно плохо, и я думала, что записывать не стоитъ. Но, чтобы туда попасть, пришлось ѣхать по ужасной дорогѣ, называемой мѣстными жителями „колодникомъ“, и не хотѣлось претерпѣть эту пытку напрасно, такъ что я терпѣливо добивалась, чтобы старухи что-нибудь наладили, пѣла съ ними, напоминала имъ пѣсни. Наконецъ, пошло недурно, и старухи рѣшили спѣть въ „трубу“, но съ тѣмъ, чтобы сначала послушать „машинку“. Я дала имъ послушать нѣсколько пѣсенъ, объяснила, какъ обыкновенно, устройство машинки и предложила имъ спѣть. Старухи уже стали передъ рупоромъ и приготовились пѣть, какъ вдругъ хозяйка заупрямилась. „Не могу“, говоритъ: „страховито. Не люди въ трубѣ поютъ, а бисы; діаволь рычить“. Всѣ старухи шарахнулись отъ трубы, какъ испуганныя овцы. Слышу, какъ она внушаетъ имъ, что пѣть въ трубу грѣхъ, начинается говорить о послѣднемъ днѣ, о гласѣ трубномъ. „Ну“, думаю, „конецъ“. Молча убираю фонографъ и соображаю, что глупые слухи могутъ повредить мнѣ и въ другихъ мѣстахъ. Потомъ говорю имъ: „Какъ вамъ не стыдно. Вотъ вы говорите грѣхъ, грѣхъ... А развѣ можетъ быть бѣдшій грѣхъ, какъ обидѣть человѣка? Развѣ вы не понимаете, какую злую небылицу вы на меня взводите, напраслину? Меня вѣдь и позовалъ-то къ вамъ вашъ же мужикъ, Федоръ, въ Пуитарѣ у батюшки мы встрѣти-

лись“. „Федоръ? Такъ оно и есть. Онъ на праздникъ въ Пушгару ѣздилъ, дѣло у него къ батюшкѣ было“, послышались голоса. „И пѣсни тамъ записывала, и самъ батюшка помогалъ“, вступился мой ямщикъ. „Ну, поѣдемъ, дядюшка Никаноръ, Богъ съ нами“, сказала я. Потомъ помолилась умышленно широкимъ крестомъ на образъ и пошла садиться въ телѣжку. Старухи были смущены и толклися на крыльцѣ. „Ты бы намъ хоть по гривенничку дала“, нерѣшительно проговорила одна старуха. Я чуть не размѣялась. Очевидно, образъ діавола блѣднѣлъ. „Эхъ, вы, безстыдницы“, крикнулъ на нихъ дядюшка Никаноръ: „обидѣли человѣка, да съ него же гривенничекъ тянете“, и ударилъ по лошадиамъ. „Дуры бабы“, проговорилъ онъ и долго плевалъ сердито на дорогу. Такъ я въ Родникахъ ничего и не записала. Но, кромѣ одного, двухъ подобныхъ случаевъ, отношеніе къ удивительной „машинкѣ“, замѣняющей пѣсни съ перваго раза—это особенно удивляло крестьянъ—было вполне разумное. Она возбуждала громадный интересъ. Всѣ хотѣли знать, кто тотъ хитрый человѣкъ, который ее выдумалъ, и старались запомнить имя Эдиссона. „Ишь, проворный какой“, замѣчали они. „Премудрость Соломонова, истина“. Одинъ острякъ изрекъ: „Эта машинка выдумана для вдоваго пона. Заскучатъ безъ жены, вотъ ему и утѣха“.

Закончу нѣсколькими словами о музыкальномъ значеніи фонографической записи пѣсенъ. Я смотрю на фонографъ, какъ на удивительно удобную записную книжку, которую, конечно, лучше всего понимаетъ тотъ, кто записалъ въ нее. Лично мнѣ никогда бы не записать всѣхъ голосовъ во время исполненія: я записываю медленно. Удачно записанная фонографомъ пѣсня всецѣло сохраняетъ свой оригинальный характеръ какъ въ ритмическомъ, такъ и въ гармоническомъ смыслѣ. Каждая пѣсня, если дать ей возможность вылиться на бумагѣ въ той формѣ, которую ей придали пѣвцы-импровизаторы, *подчинивъ натѣвъ слову*, каждая пѣсня, повторяю, носитъ особенный, интересный въ музыкальномъ отношеніи характеръ.

Е. Э. Линева.